

М.Я. Бобров

Историческая социология, ее предмет и метод исследования

Из истории науки известно, что как дифференциация, так и интеграция порождают в ней особые отрасли научных знаний. В результате этих противоположных процессов сложились математика, астрономия, физика, химия, биология, социология, биофизика, биохимия, социальная психология. В наше время началась разработка исторической социологии. Термин «историческая социология», как отмечает В.В. Афанасьев, – «новый и еще не устоявшийся» [1, с. 4]. Вместе с этим нет пока ясного представления о предмете и методе этой научной дисциплины. Так, известный русский историк В.О. Ключевский полагал, что историческая социология занимается изучением изменчивых сочетаний внешних и внутренних условий развития в различных странах и обществах. Он доказывал: «Тайна исторического процесса, собственно, не в странах и народах, по крайней мере не исключительно в них самих, в их внутренних, постоянных, данных раз и навсегда особенностях, а в тех многообразных и изменчивых счастливых и неудачных сочетаниях внешних и внутренних условиях развития, какие складываются в известных странах для того или иного народа на более или менее продолжительное время. Эти сочетания – основной предмет исторической социологии» [2, с. 38]. Современные историки и философы, рассматривая предмет этой науки, вносят определенные коррективы в его понимание. Л.П. Лашук пишет: «...Историческая социология изучает методом технологии и системных характеристик социально-деятельные структуры и механизмы функционирования систем общественной организации и этнической общности, социокультурную специфику бытового уклада и социально-группового поведения людей в различных общественно-исторических средах» [3, с. 11]. Филосо-

фы близки к такому же пониманию ее предмета. В.А. Ельчанинов утверждает, что предметом исторической социологии должно стать «изучение социальных групп, их взаимодействия как в отдаленном, так и в недавнем прошлом» [4, с. 69–70]. В названной работе В.В. Афанасьева термин «историческая социология» используется и для обозначения теорий, «постулирующих дискретность и цикличность всемирной истории» [1, с. 4]. Кроме этого, он доказывает, что «основная идея исторической социологии была сформулирована впервые Николаем Данилевским и состоит в следующем: наиболее сложной и развитой схемой в исторической науке, объективно отражающей основные связи исторических явлений и факторов, является теория культурно-исторических типов» [1, с. 6].

Из этих высказываний, число которых можно было бы значительно увеличить, видно, что среди историков и философов нет единого понимания предмета исторической социологии. На наш взгляд, при его обсуждении необходимо иметь в виду, что всякая научная дисциплина ставит перед собой задачу исследования законов определенной предметной области, и синтетическая наука, например, биофизика или биохимия, исследует законы, общие для них. В литературе их принято называть законами пограничных областей. Разумеется, такие законы могут быть найдены, например, в биофизике при том условии, что в физике известны определенные физические, а в биологии, – соответственно, биологические законы. Опыт показывает, что так появилась не только биофизика, но и биохимия, историческая геология и др.

Что касается истории и социологии, то в них дела обстоят, по сравнению с биологией и физикой, далеко не лучшим образом. Речь идет о том, что ни социологии,

ни истории не известны такие законы, изучение которых могло бы связать их в историческую социологию. Кроме этого, в истории не прекращаются дискуссии о том, изучает ли она исторические законы или нет. Не существует сколько-нибудь ясного представления о законах и в социологии. Поэтому немецкий философ и социолог Т.В. Адорно, оценивая результаты развития социологии за последние годы, справедливо замечает, что «социология до сегодня не дала корпуса всеми признанных законов, хоть сколько-нибудь сопоставимых с законами естествознания» [5, с. 76]. Такое положение или состояние в социологии можно объяснить тем, что в ней нет даже общепризнанного предмета исследования. Остановимся на этом вопросе подробнее, так как без ответов на него трудно обсуждать проблему предмета исторической социологии.

Еще в начале 20-х гг. П. Сорокин, читая лекции по социологии студентам, говорил: «Моя задача познакомить вас в нескольких лекциях с социологией. Не скрою – задача эта трудная и ответственная. Трудная потому, что устоявшейся системы социологии до сих пор нет; сколько социологов – столько социологии. Поэтому каждый преподаватель социологии принужден идти своим путем и строить систему социологии на свой страх и риск» [6, с. 27]. Сейчас в нашей стране, если не каждый преподаватель, то уж определенная социологическая ассоциация разрабатывает свой вариант социологии. В.А. Ядов, находясь с визитом в Берлинском подразделении «Информационного обмена с Восточной Европой» Информационного центра общественных наук, говорил: «В настоящий момент существуют четыре ассоциации социологов. Одной из ассоциаций является Российское общество социологов – член МСА. Другая ассоциация называется Всероссийское общество социологов и демографов, преимущественно марксистской ориентации. Третья, под названием Российское социологическое общество им. Ковалевского, является преимущественно пророссийски ориентированным. Российская социология и ее история, в осо-

бенности российская теоретическая социология, имеют огромное значение для тех, кто принадлежит к этой ассоциации, носящей имя Ковалевского. Он был первым социологом России, организовавшим социологическую ассоциацию. Четвертая ассоциация – профессиональный Клуб социологов с индивидуальным членством. Я бы сказал, что это что-то типа ассоциации социологов – пятидесятников» [7, с. 7]. Конечно, у каждой из этих ассоциаций социологов свой – особый взгляд на предмет социологической науки. Между прочим, такое положение с предметом социологии не только в нашей стране. Ю.Н. Давыдов, занимаясь изучением истории социологии, отмечает: «Иначе говоря, что такое социология, историю которой мы собираемся изучать? Вопрос не такой легкий, как кажется на первый взгляд. Ведь у нас до сих пор идет непрекращающийся спор, и конца ему не видно. Впрочем, это не только наша местная ситуация. Не могут договориться о том, что такое социология, и западные ученые, дающие еще больший разброс мнений по этому поводу, чем наши исследователи. И создается впечатление, что это – парадоксальная наука, обреченная на вечный поиск своего предмета» [18, с. 6]. Этот парадокс объясняется тем, что в социологии еще не найдены общие законы, которые были бы единым предметом ее исследования.

Разумеется, исследования, проводившиеся в нашем столетии, внесли определенный вклад в развитие социологии. Но это развитие не углубляло, а расширяло ее предметную область. Известный американский социолог Т. Парсонс отмечал, что «быстрые и в некотором отношении фундаментальные изменения собственной структуры социологии заложены уже чуть ли не в самой природе процесса расширения и развития этой науки. Совершенно очевидно, что нынешний период – это период не консолидации и синтеза, а расширения, экспериментирования в области идей и методов, период, в котором социология сталкивается со множеством новых проблем» [9, с. 26–27]. Нельзя не согласиться с его утверждением, что «в самом пред-

мете социологии достаточно внутренней упорядоченности, и, я думаю, можно сказать, что, несмотря на постоянную перестройку, в целом социология неуклонно становится наукой как более четкой, так и более стройной» [9, с. 27]. Тем не менее, несмотря на это возрастание четкости и стройности, социология еще не дала, по мнению Адорно, всеми признанных законов.

Около тридцати лет тому назад на свой страх и риск автор данной статьи начал разработку новой парадигмы социологической теории [10]. В структуру этой теории вошли такие новые категории, как «производство трудовой жизни», «производство технологической жизни», «производство совместной жизни», «группа», «производство гражданской жизни», «общество», «производство международной жизни» и «человечество», «структурно-функциональные законы» и «субстанциональные законы» и др. В системе этих категорий было доказано, что человек, группа, общество и человечество сами творят свою жизнь, но они производят ее непроизвольно, а согласно субстанциональным и структурно-функциональным законам. При этом под субстанциональными законами понимается особое проявление законов взаимного перехода количественных и качественных изменений, противоречие и отрицание отрицания в различных элементах жизнедеятельности человека, группы, общества и человеческого рода в целом. Содержание структурно-функциональных законов было раскрыто в отношениях владения, пользования и распоряжения, а также распределения, присвоения и потребления. Из этих первых трех отношений складываются структурные, а из трех вторых – функциональные законы. Первые называются структурными законами потому, что они определяют строение деятельности того или иного субъекта, т.е. человека, группы, гражданского общества и человечества. В самом деле, каждый из этих субъектов может распределять, присваивать и потреблять только то или что, кем или чем он владеет, пользуется и распо-

ряжается. Действительно, если человек ничем или никем не владеет, не пользуется и не распоряжается, то ему нечего распределять, присваивать и потреблять. Вторые три отношения называются функциональными законами потому, что в них осуществляется реальное перемещение, движение вещей в пространстве из одного места в другое или от одних субъектов к другим. Вместе с тем те и другие отношения связаны между собой различными элементами в единство и поэтому называются структурно-функциональными законами. В свою очередь, структурно-функциональные законы складываются в системе производства жизни человека, группы, общества и человечества согласно субстанциональным законам, а поэтому оказываются тоже связаны между собой. Доказано, что жизнедеятельность каждого субъекта в отдельности и в их системе подчиняется субстанциональным и структурно-функциональным законам. Вот эти законы, выраженные в строго определенных категориях, являются общими законами социологии. Следовательно, предметом общей социологии являются субстанциональные и структурно-функциональные законы, а также вышеуказанные общие понятия.

В связи с этим определением предмета общей социологии можно указать на недостатки современной социологии, которая, по мнению Т. Парсонса, «неуклонно становится наукой как более четкой, так и более стройной».

Действительно, в современной социологии достаточно много внимания уделяется, например, исследованию различных ролей и статусов человека (личности), весьма подробно рассматриваются первичные и вторичные, малые и большие, референтные и другие социальные группы. Например, имея в виду 70-е годы, Т.М. Миллз отмечает: «Если учесть, что численность населения земного шара составляет около 3,2 млрд человек и что каждый человек является членом пяти-шести групп, общее количество существующих сейчас малых групп окажется равным четырём-пяти млрд... А если к этому добавить груп-

пы, имевшиеся в прошлом, и группы, которые будут существовать в будущем, то мы увидим, что общее число малых групп достигает многих и многих миллиардов, опережая их количество и число обществ, и число людей, которые когда-либо жили и которые когда-либо будут жить» [11, с. 82-88]. Конечно, эта работа социологов заслуживает положительной оценки. Но есть резон задать вопрос: а почему они не занимаются исследованием ни законов жизнедеятельности отдельных людей, ни законов жизни группы? Здесь уместно повториться, напоминая, что задачей всякой науки является изучение законов определенной предметной области. Однако социология, рассматривая различные свойства человека и группы, не изучает законов их жизнедеятельности. По-видимому, в этом и проявляется ее парадоксальность. Действительно, не изучая их законов, можно спорить о предмете социологии бесконечно. Конечно, не исключена возможность дискуссии но общим законам социологической науки, но это уже иное дело. Для нас важно подчеркнуть, что субстанциональные и структурно-функциональные законы открывают путь к познанию законов истории и тем самым к изучению ее связи с социологией.

Идея о том, что социология самым тесным образом связана с историей, уходит своими корнями к первой половине XIX в., в которой она появилась. Известный русский философ, социолог и политический деятель М.А. Бакунин отмечал: «Так, от чистой математики переходят к механике, к астрономии, потом к физике, к химии, геологии и биологии... и завершают социологией, которая охватывает всю историю человечества» [12, с. 48]. А другой известный русский философ и социолог П.Н. Ткачев в статье «Роль мысли в истории» тоже доказывал, что законы социологии являются вместе с тем и законами истории. Он пишет: «Сущность каждой науки, будет ли то астрономия, биология и история, одна и та же: она всегда имеет дело лишь с законами данных явлений, т.е. с постоянными соотношениями их последовательностей и существовании» [13, с. 155].

Из этого положения следует, что история, изучая определенные законы, находится в одном ряду с астрономией и биологией. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что законами истории являются законы социологии, а поэтому история относится к социологии как часть к целому. В названной выше статье, развивая свои мысли, П.Н. Ткачев утверждает, что экономическая, политическая, юридическая, умственная и нравственно-религиозная жизнь известного народа может не представлять ни малейшей аналогии в экономической, политической, правовой жизни другого народа или даже одного и того же народа в различные периоды его исторического развития. «Тем не менее, однако, между всеми этими различными сторонами быта, – пишет П.Н. Ткачев – могут существовать у всех народов во все периоды их развития одни и те же постоянные, необходимые отношения. Исследования этих-то отношений и должны составлять задачу историка. И раз они выяснены, иными словами, раз историку удалось открыть известную необходимую связь в последовательной смене и сосуществовании общественных состояний, он тем самым открывает исторический закон, – закон настолько же всеобщий и непреложный, как и любой из законов химии, биологии и т.д.

Автор скажет, пожалуй, что это будет не закон истории, а закон социологии. Но как же может быть иначе? Ведь история есть развитие данного социального организма, следовательно, законы первого должны по необходимости быть законами второго, и наоборот. Точно так же, как закон развития человека есть в то же время и закон его организма, социология, понимаемая как общественная статика и как общественная динамика, относится к истории как целое к своей части. Из законов, управляющих этой частью, можно заключить и о законах, управляющих целым» [13, с. 157].

Идея о самой непосредственной связи социологии с историей развивалась крупнейшими социологами XX в. В частности, известный французский социолог Р. Арон,

анализируя теорию М. Вебера, отмечает: «...Единство исторической науки и социологии очень ярко проявляется в концепции идеального типа, которая некоторым образом служит центром научно-исследовательской доктрины М. Вебера» [14, с. 510]. Обсуждая эту доктрину в целом, он заключает: «История и социология есть два направления научного интереса, а не две разные дисциплины, которые должны игнорировать друг друга» [14]. Самую тесную, но далеко не простую связь между социологией и историей отмечает английский социолог Энтони Гидденс. Рассматривая наиболее актуальные проблемы современной социологии, он пишет: «Отношения социологии с историей и антропологией всегда имели сложный и изменчивый характер. В первом случае специалисты обеих дисциплин в массе своей придерживались единого мнения, что социология занимается общими, а история – особенными, причем первая поглощена днем сегодняшним, а вторая – делами давно минувшими» [15, с. 70].

Разделяя идею о самой тесной связи социологии с историей, после уточнения нашего понимания общей социологии, рассмотрим достоинства и недостатки исторической науки.

Известный историк В.О. Ключевский отмечал: «На научном языке слово история употребляется в двояком смысле:

- 1) как движение во времени, процесс;
- 2) как познание процесса. Поэтому все, что совершается во времени, имеет свою историю. Содержанием истории как отдельной науки, специальной отрасли научного знания служит исторический прогресс, т.е. ход, условия и успехи человеческого общежития или жизнь человечества в ее развитии и результатах» [2, с. 38]. В этом весьма четком и ясном определении истории, однако, ничего не говорится, что она изучает законы исторического процесса. Среди специалистов по истории и философии истории до сих пор нет единого мнения: изучает ли история эти законы или нет [10, с. 137–143]. В предлагаемой статье, вслед за П.Н. Ткачевым, мы доказываем, что законы социологии являются

вместе с тем и законами истории. Только в отличие от него под законами социологии мы понимаем не законы статистики и динамики, о которых писал О. Конт, а субстанциональные и структурно-функциональные законы, развитые еще более десяти лет назад в работе «Объективные законы общественного производства материальной жизни». Для доказательства же того, что эти законы оказываются и законами истории, нужно саму историю как социальную систему рассмотреть не только как непрерывный, но и как дискретный процесс.

Историками и антропологами установлено, что «человечество возникло только раз, в одном месте и в одно время» [16, с. 98]. Доказывается, что человечество возникло в благоприятных климатических условиях, на сравнительно большой территории и при значительном количестве людей. В.П. Алексеев считает, что «человечество произошло в тропическом поясе и, может быть, в прилегающих к нему отдельных субтропических районах, о чем свидетельствует и расселение современных представителей отряда приматов и восстанавливаемая с известной уверенностью эволюция ближайших предков человека» [17, с. 101]. Затем, развиваясь, оно расселилось по всем материкам и почти всем островам земного шара. Историки и социальные философы выделяют в развитии истории человечества определенные этапы, стадии, периоды, эпохи, культурно-исторические типы и т.д. Так, в зависимости от места на земле и календарного времени в его истории, выделяют древневосточную, античную, средневековую и новую исторические эпохи; исходя из способов производства материальной жизни история делится на пять или шесть известных общественно-экономических формаций, особо выделяя уровень развития средств производства, коммуникаций, возникновение и развитие устного и письменного языка; выделяются такие эпохи, как дикость, варварство и цивилизация; избирая же уровень развития техники и технологии, историю человечества разделяют на три стадии: традиционное, индустри-

альное и постиндустриальное (информационное, технотронное) общества; при особом же выделении культурно-исторических типов историю делят на несколько цивилизаций.

Несомненно, все эти виды периодизации истории имеют очень важное познавательное значение, так как в них по тому или иному признаку конкретизируется исторический процесс. Вместе с тем каждый из этих видов периодизации истории страдает целым рядом недостатков, из которых один является общим. Рассмотрим его подробнее. Суть этого недостатка проявляется в том, что их основы не являются атомарными в том смысле, в каком данный термин понимается в античной философии. Поэтому, например, та же древневосточная история или первобытно-общинная формация, дикость или цивилизация, традиционное или индустриальное общества имеют свою историю и нередко весьма продолжительную. В этой связи появляется потребность в новой периодизации той или иной цивилизации, общественно-экономической формации и т. д. Среди отдельных недостатков, например, того же цивилизационного подхода можно назвать его ограниченность в смысле охвата истории тех или иных народов. Поясним эту мысль примером из истории племени акуруи, структура которого подробно описана шведским путешественником и этнографом Я. Линдбладом. Он пишет: «Все племя акуруи насчитывало семь десятков человек, однако такое количество охотников и собирателей не может кочевать совместно в дождевом лесу, его ресурсы не выдержат нагрузки. А поэтому племя было разделено на группы максимум по пятнадцать-двадцать человек, включающие мужчин, женщин и детей. Каждая группа располагала для охоты очень большим ареалом, но собственным участком обитания эту площадь назвать нельзя» [18, с. 19-20]. Естественно, если относительно простыми структурными элементами племени были группы, четко разделенные между собой, то такими элементами в группе были отдельные люди. Характеризуя взрослого акуруи, Линдб-

лад пишет, что он «никому не подчинен, им никто не управляет; понятие «вождь» отсутствует у южноамериканских охотничье-собирательных племен. Можно кого-то увлечь за собой на охоту или рыбную ловлю, но приказать нельзя... Члены такой группы не знают предводителей и все же сотрудничают. Так им велит разум, другого способа выжить нет. Каждый мужчина делает то, что считает нужным. Женщина, пожалуй, не так свободна в своих действиях...» [18, с. 19].

Таким образом, отдельный акуруи входит в одну из групп, а группы являются структурными единицами племени, а последнее оказывается такой же единицей в структуре человеческого рода вообще. Учитывая же различные виды периодизации истории, можно сказать, что это племя находится на стадии дикости, или первобытнообщинной формации, или традиционного общества, но не охватывается цивилизационным подходом. А ведь научная периодизация не должна знать исключения. Вместе с тем племя акуруи имеет историю, которая по продолжительности жизни равна истории всякого другого народа, существующего на Земле. Русский историк Б.Ф. Поршнев пишет: «Весь род человеческий произошел в одно и то же время, все живущие племена и народы имеют одинаковый возраст, у каждого человека в общем столько же поколений предков, как и у любого другого» [19, с. 96]. Поэтому необходимо найти какие-то новые основы ее периодизации потому, что в связи с указанными выше основами у этого племени нет истории, что само по себе не соответствует действительности.

Но если цивилизационный подход к истории исключает ее самый ранний период, то формационный не охватывает всех народов при переходе от одной формации к другой. Так, не было общества, которое миновало бы в своей истории первобытно-общинную формацию, но вот некоторые из них от этой формации перешли к рабовладению, а другие – сразу к феодальной общественно-экономической формации. Однако в социальной философии смена

общественно-экономических формаций рассматривается не только как общесоциологический, но и естественно-исторический закон. Однако учеными доказано, что действительные общие законы движения реального мира не знают исключения. А. Китайгородский отмечает: «Если наука не знает общих законов, то конкретное явление значит для нее немного. В этой своей стадии наука – беспорядочная груда фактов, куча кирпичей. Хотите забрать один из них или, наоборот, бросить в кучу еще один? Что же! Это нисколько не затрагивает остальное хозяйство. В этом случае дело обстоит как с географическими открытиями».

Но если общие законы найдены, проверены, если их действия подтверждены на огромном числе примеров, тогда нетерпим даже один лишний или недостающий факт, нарушающий схему.

Все материальные тела притягиваются друг к другу с силой, обратно пропорциональной квадрату расстояний между ними и пропорционально произведению их масс – так говорит закон всемирного тяготения. Все тела, без исключения.

Поэтому если какой-нибудь камешек отказался бы падать на землю, то это его поведение сразу бы поставило под угрозу все мироздание. Существование исключения означает нарушение не только частного закона, но и общего закона природы» [20, с. 29–30].

Распространяя данные требования на общие законы науки, в частности, на социологию и историю, следует сказать, что ни теория общественно-экономических формаций, ни цивилизационный подход не отвечают этим требованиям.

Наконец, когда в высшей школе изучался исторический материализм, то студенты нередко задавали вопрос о той общественно-экономической формации, которая придет на смену коммунистической. За такие вопросы их, конечно, как правило, отчитывали, но ответить – то необходимо. Исходя же из истории общественно-экономических формаций ответить на этот вопрос нельзя.

Учитывая общие и особые недостатки

анализируемых видов периодизации истории, необходимо разработать новую периодизацию, а для этого нужно ее общее основание. Таким основанием, на наш взгляд, является поколение. Под поколением «обычно понимаются люди одного и того же года рождения» [21, с. 10]. Это основание периодизации истории является элементарным и с исторической, и социологической точек зрения. Оно не знает в историческом процессе исключения даже в тот период истории биосферы, когда не было ни человека, ни человечества. Именно при смене поколений наших далеких предков около 40 тысяч лет назад появился человек (*Homo sapiens*), а вместе с ним и человечество [22, с. 128–129]. История как движение во времени или процесс состоит в целом из смены 1600 поколений. Вместе с тем различные части этой целостной системы складываются из смены меньшего количества поколений. К. Гробстайн отмечает, что «с начала же новой эры сменилось всего лишь около сотни поколений» [23, с. 27]. Следовательно, новая история складывается из смены сотни поколений. Из смены определенного числа поколений складываются и другие исторические эпохи.

Вообще история как процесс есть смена поколений и их соответствующего изменения. П. Сорокин писал: «Каждое последующее поколение становится неизбежно наследником предыдущего. Живя и действуя, потомки, в свою очередь, вносят в это наследство результаты своей жизни и труда, на предыдущих слоях социальной среды они оставляют новый слой. Таким образом, социально-психологическая среда утолщается, растет, оседает и видоизменяется с каждым поколением. Все толще и толще становятся стены социально-психологической среды. Все сильнее и сильнее предопределяют они жизнь и деятельность новых поколений...»

Жизнь, судьба и деятельность каждого поколения предопределены жизнью и деятельностью предыдущих поколений...

Каждое последующее поколение скóвано нерасторжимой цепью с предыдущим. Оно может погибнуть, но разбить эту цепь

бессильно» [24, с. 75]. Познание же этих частей и исторического процесса в целом состоит в познании его общих законов. Ими оказываются общие законы социологии.

Действительно, старшее поколение, согласно количеству, качеству и мере средств производства, предметов потребления, науки, искусства, культуры, материальных и духовных ценностей, навыков в труде, традиции обычаев, передает младшему поколению, у которого складываются к ним владение, пользование и распоряжение, теперь уже оно распределяет, присваивает и потребляет их в системе своей жизнедеятельности. Таким образом, социологические законы являются и законами истории. Тем самым они связывают в нерасторжимое единство общую социологию и общую историю. Из этого единства и образуется историческая социология. Тем самым можно сделать вывод, что истинным предметом исторической социологии являются субстанциональные и структурно-функциональные законы. А поскольку смена поколений не знает исключения из истории, постольку эти законы являются общими, следовательно, общей оказывается и историческая социология.

Общий характер периодизации и законов исторической социологии отнюдь не отрицает ни один из рассмотренных выше видов периодизации истории и не исключает тех законов, которые в них проявляются, например, в смене общественно-экономических формаций, а наоборот, она рассматривает их в качестве предельных случаев и способна объяснить существование этих формаций и закон их смены. Поясним эту мысль примером из естествознания, допустим, из физики, в частности, на соотношении классической термодинамики и молекулярно-кинетической теории. Исторически термодинамика возникла задолго до того, как физика более или менее выяснила вопрос о строении вещества. Но многие свойства вещества, такие как температура, давление и другие, можно изучать, не зная их строения. Именно такой подход и присущ термодинамике, все результаты которой

содержатся в ее трех законах. Напомним, что к их числу относятся: закон сохранения и превращения энергии, второй принцип, или закон, термодинамики, согласно которому тепло не может перейти без затраты работы от холодного тела к горячему, третий принцип, устанавливающий, что при необратимых изменениях полная энтропия системы возрастает.

Исходя из этих законов можно построить достаточно развитую феноменологическую теорию тепловых явлений, которая описывает закономерные связи между наблюдаемыми макроскопическими свойствами вещества. Но эта теория не объясняет, почему именно существуют эти закономерности, почему, например, при повышении температуры газа увеличивается его давление.

Известно, что ответы на эти и другие вопросы удалось получить с помощью молекулярно-кинетической теории, в которой для раскрытия механизмов тепловых процессов была выдвинута идея об атомно-молекулярном строении вещества. В данном случае переход от описания к объяснению свидетельствует о прогрессе познания, о дальнейшем его проникновении в более глубокую сущность изучаемых явлений. Исходя из этого примера, историческая социология может объяснить теорию общественно-экономических формаций, подобно тому, как молекулярно-кинетическая теория объясняет законы тепловых явлений. В самом деле, закон смены общественно-экономических формаций ничего не говорит о законе истории, допустим, первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной или буржуазной формации, у каждой из которой есть своя и весьма длительная история. В исторической социологии утверждается, что история, в частности история всякой формации, подчиняется субстанциональным и структурно-функциональным законам. Сам закон смены формации есть частный случай закона смены поколений. Кроме этого, в историческом материализме рассматривается закон классовой борьбы, а сами классы определяются как большие группы людей, но законы этих и

других, допустим, малых, первичных и вторичных групп в них тоже не изучались, тогда как в исторической социологии установлено, что жизнь группы вообще подчиняется тем же субстанциональным и структурно-функциональным законам. Наконец, историческая социология объясняет сам способ производства материальной жизни, на основе которой построено все здание теории общественно-экономических формаций. Исторический материализм утверждает, что способ производства материальной жизни образуется из диалектического единства производительных сил и производственных отношений. В свою очередь, в качестве одного из основных элементов в их структуре выступал человек, но законы его жизнедеятельности в истмате не изучались, а поэтому плохо понимались и отношения между людьми. Конечно, в нем постоянно говорилось о производственных отношениях, но самые общие из них не были выражены в понятиях. В самом деле, например, в том же племени акуруи нет таких производственных отношений, как стоимость, товар, деньги, рента, прибыль, прибавочная стоимость и т.д. Но ведь производственные отношения в них существуют, а какие, т.е. в каких понятиях они отражаются? И если они не выражены в соответствующих категориях, то ведь их никто не понимает, а следовательно, трудно разобраться в том, что же такое первобытно-общинный способ производства материальной жизни. Вообще без знания законов жизнедеятельности человека нельзя серьезно обсуждать ни отношения между людьми, ни способы производства. Кроме этого, из отдельных людей складываются социальные группы, жизнь которых подчиняется определенным законам. И опять-таки, если неизвестны законы жизни человека, то нельзя понять эти законы. Действительно, только знание законов жизни человека может быть основой понимания жизнедеятельности группы, подобно тому, как знания валентности (законов) атомов водорода и кислорода открывает путь к пониманию строения молекулы воды (H₂O). Но исторический материализм как раз не изучал законов

ни человека, ни группы. Они являются предметами исследования исторической социологии, следовательно, она в состоянии объяснить и структуру производительных сил, раскрыть содержание производственных отношений и способа производства материальной жизни, а также и самой формации.

На наш взгляд, то же самое можно сказать о соотношении исторической социологии и концепции культурно-исторических типов, на основе которой, например, Н.Я. Данилевским разработана теория цивилизаций. В самом деле, та же, допустим, египетская цивилизация имеет историю, жизнь которой подчиняется общим субстанциональным и структурно-функциональным законам. У нас нет сомнения, что если традиционное, индустриальное и постиндустриальное общества имеют свою историю, то она не может не подчиняться тем же законам, рассматриваемым в статье относительно новой научной отрасли социально-гуманитарного знания.

В этой связи можно сказать, что историческая социология проникает в сущность жизни социосферы более глубокого порядка, чем, например, формационный и цивилизационный подходы к истории. Причем это углубление осуществляется в двух направлениях: синхроническом и диахроническом. Синхронический путь лежит в направлении анализа законов, начиная с рассмотрения их в жизни человека и заканчивая в жизнедеятельности человечества: диахронический анализирует те же самые законы у тех же элементов только в направлении смены поколений. Тем самым историческая социология открывает и прокладывает новые направления в изучении заурядных и выдающихся личностей, различные социальные группы, которые складываются из них, разнообразные общества, включающие их в свою структуру, а также человечество, состоящее из самых разных стран. В этом и проявляется особенность проблемы исторической социологии.

Сущность же метода исторической социологии проявляется в ее разработке,

которая состоит из двух этапов: восхождения от эмпирически конкретного к абстрактному и восхождения от абстрактного к исторически конкретному посредством мышления. На первом из них было установлено, что в состав относительно простых субстанциональных элементов человека входят организм, физическая и духовная способность к труду, средства и предмет труда. Затем были разработаны такие понятия, как производство трудовой, технологической, личной и индивидуальной жизни, а также владение, пользование, распоряжение, распределение, присвоение и потребление. В результате анализа этих элементов и понятий была получена в очень абстрактном виде категория человека. На втором этапе началось уже восхождение от этой абстрактной категории к исторически конкретному воспроизведению социосферы в целом. На этом пути были получены такие общесоциологические понятия, как производство совместной жизни и группа, производство гражданской жизни и общество, производство международной жизни и человечество, а также субстанциональные и структурно-функциональные законы. Из их логической связи, вытекающей из восхождения от абстрактного к конкретному, образуется общесоциологическая теория. Теперь эта теория оказалась исходной в исследовании основ периодизации истории. Таким образом, началось историческое восхождение от абстрактного к конкретному. Этим методом разрабатывалась категория «поколение» и понимание истории как смены поколений. Вместе с тем было установлено, что смена поколений подчиняется тем же общесоциологическим, субстанциональным и структурно-функциональным законам. Именно изучение этих законов позволило связать в органическое единство общую социологию и историю в историческую социологию. Теперь уже историческая социология является методом и одновременно методологией последовательного исследования своих законов при смене одного поколения другим. В.А. Штофф справедливо писал: «Научный метод опирается на знание соответствующей

законности, т.е. на теорию данной предметной области. Теория приобретает методологический характер, выполняет методологическую функцию, становясь не только орудием объяснения данного и предсказания нового, но и средством поиска и открытия новых свойств, глубинных закономерностей, более глубокой сущности явлений» [25, с. 8]. В данном случае речь идет о том, что общие законы, которые изучаются исторической социологией, не отменяются никем от богов и не исчезают из реальной истории, а только изменяют свою форму. Заметим, что в философской литературе существуют две, на первый взгляд, взаимоисключающие точки зрения по этому поводу. Например, В.П. Тугаринов считал, что «объективные законы не могут изменяться или развиваться, они или постоянно действуют, или сменяются другими» [26, с. 76]. Б.М. Кедров настаивал на том, что «объективные законы – законы природы, а тем более законы общества – оказываются не абсолютными, вечными, безусловными, неизменными, а относительными, исторически преходящими, зависимыми от условий, изменчивыми» [27, с. 103].

На наш взгляд, В.П. Тугаринов прав относительно единичных и особенных законов, которые в известный период возникают, а затем исчезают. Примером такого закона может быть закон классовой борьбы, который появляется с классами и исчезает вместе с ними. Иное дело с общими законами естествознания или той же исторической социологией. Они, однажды возникнув, продолжают действовать на продолжении всей истории и при известных условиях только изменяют свою форму, эволюционируют. Известный французский математик и физик Л. Пуанкаре писал: «Желая признать эволюцию законов, мы должны ее считать, конечно, очень медленной, так что в течение тех немногих веков, когда человек мыслит, законы природы могли испытать лишь незначительные изменения» [28, с. 407].

Именно субстанциональные и структурно-функциональные законы исторической социологии в процессе развития реальной

истории не исчезают и не отменяются, а только изменяют свою форму. Вот методом и методологией изучения эволюции их форм оказывается сама историческая социология. Вместе с тем это изучение эво-

люции законов относится к числу ее фундаментальных проблем.

Таким образом, у исторической социологии есть свой предмет, метод и фундаментальная проблема.

Литература

1. Афанасьев В.В. Историческая социология. Барнаул, 1994.
2. Ключевский В.О. Курс русской истории: В 9-ти т. Т. 1. Ч. 1. М., 1987.
3. Лашук Л.П. Введение в историческую социологию. Вып. 1. М., 1997.
4. Ельчанинов В.А. История и социология. Барнаул, 1992.
5. Адорно Т.В. К логике социальных наук // Вопросы философии. 1992. №10.
6. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
7. Ядов В.А. Социология в современной России // Социологические исследования. 1996. №12.
8. Давыдов Ю.Н. Введение // История теоретической социологии. Т. 1. М., 1995.
9. Парсонс Т. Введение // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972.
10. Бобров М.Я. Структурно-функциональный анализ социальных систем как социологическая теория // Вопросы философии. Новосибирск, 1969; Он же: О возможности структурно-функционального подхода к природе и обществу // Некоторые проблемы философии. Новосибирск, 1970; Он же: Объективные законы общественного производства материальной жизни. Красноярск, 1986; Он же: Система законов и категорий общей социологии. Барнаул, 1993; и др.
11. Миллз Т.М. О социологии малых групп // Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972.
12. Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М., 1989.
13. Ткачев П.Н. Кладези мудрости российских философов. М., 1990.
14. Арон Р. Этапы развития социальной мысли. М., 1993.
20. Гидденс Э. Девять тезисов о будущей социологии // TESJS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Вып. 1. 1993.
16. Матюшин Т.М. У истоков человечества. М., 1982.
17. Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984.
18. Линдблад Я. Человек – ты, я и первозданный. М., 1991.
19. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории // Философские проблемы исторической науки. М., 1969.
20. Китайгородский А. Реникса. М., 1967.
21. Урланис Б.И. История одного поколения. М., 1968.
22. Дубинин Н.П. Что такое человек. М., 1983.
23. Гробстайн К. Стратегия жизни. М., 1968.
24. Сорокин П.А. Общедоступный учебник по социологии. Статьи разных лет. М., 1994.
25. Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978.
26. Тугаринов В.П. Законы объективного мира, их познание и методология. Л., 1958.
27. Кедров П.М. Единство диалектики, логики и теории познания. М., 1963.
28. Пуанкаре А. О науке. М., 1983.